

Жёлтый куб

С тех пор, как прабабушка умерла, Петрушин каждый день встречал её на улице. Иногда в магазине, в очереди на кассу. Там в утренние часы пенсионерам скидка. Иногда в метро - с клетчатой сумкой на колёсиках.

Иногда прабабушка копошилась в цветнике у подъезда или вынимала счета из почтового ящика.

Правда, как только призрак оборачивался - всё вставало на свои места.

Просто так получалось, что каждая старуха теперь немного напоминала прабабушку. У одной был точно такой же узел из седых волос. У другой - похожий жёлтый плащ. Третья горбила спину. У четвёртой густые брови - почти такие же, ну совсем такие же... Буквально на пару секунд, пока она не приподнимала их как-то иначе. Как будто прабабушка взяла и вдруг рассыпалась на сотню разных старушек, подарив каждой - или мясистый нос, или платок на шее, или тихий старческий вздох.

Сколько Петрушин помнил, прабабушка всегда была старенькой. Даже на той фотографии, где она кормит его мелкого из бутылочки. В последние годы она почти никого и не узнавала, только тихо сидела в кресле в самой дальней комнате. Петрушин и не мог по ней особенно скучать, потому что как с такой прабабушкой пообщаешься! Её саму теперь с ложечки кормить. Но вот ведь...

Рассыпалась.

На морщины, на складки, на цветастые юбки и старые перчатки.

На "кис-кис-кис, я вам рыбки принесла" у подъезда и "стой, куда побежал!" в детской песочнице.

На снежинки в январе, клубнику в июле и осенние листья в октябре.

Петрушин злился. Петрушин не понимал, зачем.

Как-то, возвращаясь под вечер с допов по физике, он огибал кирпичную пятиэтажку в тени каштанов, и в одном из окон на первом этаже ему снова явилась прабабушка. Только помоложе. Но эта была самая подходящая.

Старуха в клеенчатом фартуке неторопливо скоблила картошку, потом нарезала ее кубиками и жарила на чугунной сковородке на газу. Ворошила лопаткой, перекладывала на тарелку. Петрушин досмотрел до конца, отступив в тень за ствол каштана. Трудно было оторваться.

Крохотная кухня, согретая жёлтой лампочкой, походила на новогодний фонарь. На светящуюся игрушку. Вокруг было зябко и сыро, а там - тепло и как-то сказочно. Как во сне, что ли.

У многих есть стеклянные шары с искусственным снегом - был такой и у Петрушина. Потрясешь его - и как будто зима. Кто-то запер её в прозрачном шаре. А это был куб. Жёлтый куб с осколком чего-то полузабытого. Кто-то запер в этом окошке его

прошлое, как муху в янтаре. Вот сейчас старуха нагреет в кастрюльке бутылку с детской смесью...

Но вместо этого она надела очки, которые никак не хотели сидеть на носу, взяла ползатёртую книжку и принялась читать про посадку огурцов. Эх. Петрушин вперевалку поспешил домой. Сколько можно пялиться в чужие окна-то, ей-богу. Да и уроки еще делать допоздна.

Но через пару дней он снова пошёл этой дорогой. Снова встал за каштан и смотрел, ругая себя. Такой большой парень и страдает ерундой. И ведь никому не расскажешь. Что он тут портал в прошлое нашёл! Что никак ему не оторваться от жёлтого кубика в кирпичной пятиэтажке. Круче нового сериала.

А "прабабушка" снова резала капусту, тёрла морковь, мешала щи. Крутила колесо радиоприёмника, протирала чашки. Придирчиво осматривала горшки с раскидистыми цветами - кажется, они называются "декабристы". Иногда вглядывалась в темноту, потом задёргивала тюлевую занавеску.

И Егор уходил, волоча за собой мешок со сменкой.

Темнело всё раньше, жёлтый куб сверкал всё ярче. И ещё много других таких же переливалось по всей улице. И как же это было хорошо.

Но однажды всё пошло не по плану.

"Прабабушка" вглядывалась в темноту особенно пристально. И занавеску задёрнула особенно плотно и тщательно. А когда он уже, пыхтя, заворачивал за угол, то услышал хлопок двери и выкрик:

- Эй! Мальчик! Я тебе говорю... А ну-ка постой.

У Петрушина ноги вмиг стали тяжёлыми медвежьими лапами. Он с трудом смог сделать пару каменных шагов.

- Ты чего всё ходишь? Чего смотришь-то? - раздался сердитый голос уже совсем рядом.

Седая женщина, в наброшенной на плечи куртке, стояла за спиной.

- Ежели ты чего задумал, то у меня и брать-то нечего! - отрезала она. - Много ли толку с пенсионерки! А я ведь могу и участковому...

- Да я совсем не то, совсем не это... - залепетал Петрушин, комкая шапку в руке. - Я совсем даже ничего!

- А если голодный... - прибавила старуха добрее. - То на вот. Только уж меня не пугай так.

Она сунула ему в руки шуршащий пакет, и Петрушин от недоумения взял. Там были какие-то слоёные пирожки в куче крошек. Теперь он хорошо видел лицо женщины, и видение снова рассыпалось. Не та бабушка. Чужая. Совсем. Другие морщины, другие брови, нос, другое всё.

- Тебе нехорошо, что ли? - ахнула эта чужая бабка.

- Всё хорошо, спасибо... - выдавил из себя Петрушин. - Просто вы были похожи, а теперь не похожи.

- На кого? У тебя родители-то есть?

- Всё у меня хорошо, и вы очень добрая. Простите! - и Петрушин бросился бежать по улице, хотя бегал всегда с трудом.

Сменочный мешок колотил по ногам. Рюкзак бил по спине. Ноги разъезжались на грязных листьях. На бегу он зачем-то запустил руку в пакет и запихнул в рот пирожок целиком. Тот был ещё тёплый. Крошки полетели в горло... Подавился, закашлялся, с трудом проглотил. Пирожок оказался с яблоком. Кисло. Горло саднило, а внутри было горячо.

Жёлтый фонарь сорвался с новогодней ёлки и разбился.

С тех пор он проходил мимо кирпичной пятиэтажки быстрым шагом, не оглядываясь, а то и вовсе шёл домой другой дорогой. Уроков было много, физики и прочего. Да и стыдно-то как.

А чужая бабушка всё вглядывалась в окошко. И лампочка освещала кастрюлю на газовой плите. Цвели декабристы. Радио что-то пело.

Валентина Дёгтева, 2020